

РОМАН ПОКОЛЕНИЯ

АЛИСА
ГАНИЕВА

ОСКОРБЛЕННЫЕ
ЧУВСТВА

РОМАН

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ



РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА
ШУБИНОЙ

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г19

Художник *Владимир Мачинский*
Фото автора на переплете *Георгий Кривошеев*

Ганиева, Алиса Аркадьевна.

Г19 Оскорбленные чувства : роман / Алиса Ганиева. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2018. — 315, [5] с. — (Роман поколения).

ISBN 978-5-17-110042-1

Алиса Ганиева — прозаик, литературный критик, автор повести «Салам тебе, Далгат!» (премия «Дебют»), романов «Праздничная гора» (шорт-лист премии «Ясная Поляна») и «Жених и невеста» (второй приз премии «Русский Букер»), финалист премии имени Юрия Казакова.

Действие нового романа «Оскорбленные чувства» происходит в провинциальном городе России. Однажды в жуткий ливень в машину к Николаю подсаживается неизвестный... С этого начинается калейдоскоп коррупционных страстей, любовных треугольников и детективных загадок. Кто убил министра регионального экономического развития Лямзина? Как может набожная чиновница Наталья Петровна позировать в одном корсете? Спектакли и вернисажи, интриги и искушения, дороги и дураки, шум и ярость — все реалии сегодняшней, заоконной России.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-110042-1

© Ганиева А.А., 2018.
© ООО «Издательство АСТ», 2018.

Бесспорно, теперь уже нет того
священного и трепетного отношения
к доносу, какое было раньше.

Александр Зиновьев. «Гомо советикус»

Глазастые такие.

Федор Сологуб. «Мелкий бес»

1

Под морозящим дождем неуклюже бежал мужчина. «Пьяный, — подумал Николай, притормаживая на красный, — вона как его шатает». Улица уже плавала в сумерках, неверно помаргивая фонарями на алюминиевых столбах. В городских лампах, судя по всему, заканчивалась ртуть. Иван Грозный, — вдруг вспомнилось Николаю, — отравился ртутной мазью, которой лечился от сифилиса. Он втирал ее в ноги. Или ему втирали? На речке, на речке, на том бережочке, мыла Марусенька белые ножки, с кем ты, Маруська, всю ночь гуляла, с кем ты, Ма...

В мокрое боковое окно плашмя ударила большая ладонь. Николай опустил стекло: тот самый бегун. Дорогая куртка, золотое кольцо на пальце, отчего-то взбудораженная, но весьма солидная физиономия. Пьяный, но не забуддыга.

— Подвези, приятель! — неожиданным басом взмолился мужчина, нервно потирая мокрое от дождя лицо.

— Я что, на таксиста похож? — обиженно хмыкнул Николай.

— Надо, брат, очень надо! Я заплачу!

— Ясно ж сказано, я тебе не извозчик!

Светофор вспыхнул зеленым, и сзади нетерпеливо загудели. Но странный мужчина навалился на автомобиль всем тюленьим весом, мешая ходу.

— Слушай, топай отсюда! — взбрыкнул Николай, однако неизвестный вывернул перед самым его носом кошелек — тугой, пахнущий молодой телячьей кожей, и вдруг начал швырять пятисотки в салон автомобиля. Купюры посыпались Николаю на плечи, на обозначившийся мячиком живот, полетели куда-то под кресло. Сзади, на дороге, продолжали злобно сигналить.

— Да ты совсем того, что ли? — бормотнул растерявшийся Николай и, секунду поколебавшись, разблокировал заднюю дверь. Мужчина, тяжело дыша, залез внутрь и плюхнулся на сиденье. Дверь захлопнулась, машина, ухнув, тронулась с места.

Николай поправил зеркало заднего вида, всполошенно закачались прицепленные к зеркалу четки. «В руках четки, в голове тетки...» — некстати мелькнуло в голове у Николая. Отражение пассажира взволнованно всматривалось в залитое моросью автомобильное окно.

— Тебе вообще куда? — строго поинтересовался Николай.

— А тебе? — встрепенулся мужчина.

— Мне на Центральную.

— И мне. Только давай в обход, покругим маленько.

— Убегаешь, что ли, от кого?

Мужчина смолчал, продолжая шумно и часто дышать. Спиртным от него не воняло, и это было удивительно. Николай задумчиво уставился на мокрую дорогу. Он читал где-то, что каждую минуту семь процентов человечества находится в опьянении. Это сколько же получа-

ется? Николай поморщился, прикидывая. Пятьдесят миллионов?.. Если этот сопящий батька действительно вдрабадан, от него должно порядком нести. Возможно, запах заглушал кисет с травами, подвешенный женой у лобового стекла. Эфирные масла. Аромасаше своими руками. Неровная вышивка.

Жена сказала, машина подержанная и поэтому отравлена энергией прежних хозяев. Нужен обряд очищения. Держишь над капотом свечку, подожженную бумажной денежкой, да хоть сто-рублевкой, главное, чтобы та полностью прогорела, и выкрикиваешь: «За успех уплачено!» Обходишь машину двенадцать раз по часовой стрелке, задуваешь пламя, выкидываешь огарок на пустыре, и дело сделано.

Николай втянул ноздрями лавандовый воздух.

— Вы слышали? — обратился он к пассажиру, переходя внезапно на «вы». — Недавно коллега рассказывал, муравьи, они, это, общаются по запаху, знаете?

— Что-что? — зашевелился на заднем сидении мужчина.

— Муравьи, говорю. У них феромоны. И вот если один муравей умрет, то на нем

еще эти их феромоны остаются, и вся остальная братва с ним неделю балакает, прикиньте. Пока биохимия не выветрится. Думают, что живой. И наоборот, побрызгаешь на живого муравья запахом гнилья, как будто он уже разлагается, и все, конец ему. Несут на кладбище, — Николай засмеялся. — Он, бедняга, сопротивляется, убегает назад, в муравейник, а его снова хватить — и тащат хоронить. Ну вообще, да? Дают!

Пассажир, кажется, сообразивший, о чем речь, согласно закивал. Он продолжал сопеть, и рука его нервно сжимала модную куртку в районе груди.

— Я не знал, что у муравьев есть кладбища.

— Да у них, наверное, и тачки есть свои, я не удивлюсь, — хохотнул Николай. Он вдруг развесялился оттого, что без всякой мысли, вот так, с кондачка поймал пассажира. — А чего «убер»-то не взяли?

Мужчина помрачнел.

— Убер-бубер... Чтобы меня выследили, куда я, откуда? Нет, с меня хватит.

— Да кто за вами следит?

Но попутчик снова замкнулся и замолчал.

— У каждого свои страхи, — задумался Николай вслух. — Некоторые боятся телефон дома забыть. У меня дочка такая. Даже название у этого есть. Забыл. Какая-то там фобия. Микробов боятся. Постареть. Кротов, самолетов, золота, слепоты. Заболеть раком, наступить на дерьмо. Жениться. Влюбиться. Пернуть на людях. Оказаться на сцене перед толпой. Врачей, тещу, собственного отражения в зеркале. Вшивости, радиации, СПИДа, террористов. Заснуть и не проснуться, обнаружить волос в тарелке с ужином. Клоунов, компьютеров, сквозняков. Неприятного запаха изо рта. Пустых залов. Тоннелей, высоты, воды, денег, лекарств. Нечистой силы...

— Вы кем работаете? — неожиданно прервал его пассажир.

— Я? В строительной фирме. А вы?

— В строительной? — оживился мужчина. — В какой?

— И вы, что ли? — Николай снова поправил зеркало, пытаясь поймать в нем лицо собеседника.

Но вместо ответа мужчина снова вглядывался в мокрую темень.

— Это мы где?

— Как вы просили. Сейчас здесь по обходной проедем, а там — на Центральную.

Мужчина, кажется, стал успокаиваться. Он отвлекся от окна и произнес доверительно:

— А насчет страхов... Я тоже телефона в последнее время бояться стал. Всюду глаза, понимаете?

Николай, кажется, понимал. Помутнение рассудка. Бред преследования. Эта, как ее, параноидальная шизофрения. Она прокрадывалась в город постепенно и теперь, кажется, душила каждого встречного-поперечного. Знакомые Николая все чаще во время беседы садились на свои мобильные, подложив их под теплые ягоды, заклеивали видеоглазки ноутбуков изоляционной лентой, входили в Сеть на цыпочках, через анонимайзеры...

В уме у Николая воскресали смешные старые плакаты. «Не болтай у телефона, болтун — находка для шпиона». «Враг хитер, в нем зверина злоба — смотри в оба»... Теща прибежала из поликлиники возбужденная. Вскрылось, что склянки с мочой и калом пациентов отправлялись в коммерческую медлабораторию.

И оттуда — якобы напрямую зарубежным агентам для какой-то чудовищной диверсии. Какой именно, никто не мог вразумительно объяснить, но лабораторию уже прочесывали люди из органов. А вся шумиха из-за одного случайного заявления куда следует. Бдительный гражданин. «Где бдительность есть, там врагу не пролезть»...

Николай еще раз прокрутил в голове по-птичьи растревоженные жесты тещи... Хорошо, ему далеко до пенсии. Гиблое дело. Гречка и черный хлеб. Вспомнился анекдот, услышанный вчера от Степана, коллеги по генподряду:

«— Справочная слушает.

— Алло, внученька, дай мне телефончик, ну, где пенсию платят.

— Извините, международные переговоры не заказываем...»

Николай ржал, мымра Беляева косилась на них неодобрительно. Это, мол, на что вы такое намекаете.

С работой, кстати, Николаю повезло, устроился через друга. Отдел снабжения, крупные заказы от мэрии и правительства. Недавно сдавали ледовую арену для спортивного праздни-

ка. Мелькали камеры, колыхались красные ленточки, журчали пышные речи. Потом у арены потекла стена: не успели правильно залатать стыки. Все шишки — на субподрядчика... «Надо было, — шутил Степан, — делать как китайцы, когда они свою великую стену строили. Добавлять в цемент вареного риса».

Риса Николай не любил, а часть заказанной на арену металлочерепицы, говорят, обнаружилась на новенькой крыше хозяйкиного загородного коттеджа. Марина Семенова — генеральный директор. Молодая кровь, холеные руки. Николай видел ее живьем лишь однажды, на новогодней пьянке. Зато масляный ее портрет висел в приемной для посетителей. Кисть модного художника Эрнеста Погодина. Соболиная шуба, дерзкий прищур. Легкие мазки, глазурь или лессировка. Золотая неподъемная рама. Постоянным клиентам скидки.

Машина пошла толчками, черная дырявая дорога щерилась ямами, колеса шлепали по лужам. Николай выругался. Асфальт лежал прошлогодний, заливали прямо в снегопад, впере мешку с грязью, лишь бы успеть к отчету. И вот, пожалуйста, хлябь и овраги.